

СОВЕТСКАЯ ВИТРИННАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПРАКТИКИ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(47):0001.89

doi 10.17072/2219-3111-2022-4-62-71

Ссылка для цитирования: Долгова Е. А. «Содействие у нас и защита у них»: советские комиссии обеспечения ученых как витринный проект в 1920–1930-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 62–71.

«СОДЕЙСТВИЕ У НАС И ЗАЩИТА У НИХ»: СОВЕТСКИЕ КОМИССИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕНЫХ КАК ВИТРИННЫЙ ПРОЕКТ В 1920–1930-Е ГОДЫ¹

Е. А. Долгова

Российский государственный гуманитарный университет, 125040, Россия, Москва, Миусская пл., 6
medievalis@list.ru

ORCID: 0000-0002-3902-7142

ResearcherID: E-7791-2017

Scopus Author ID: 57195965998

В статье характеризуется история уникальных советских правительственных учреждений, занимавших содействием научно-исследовательской работе и улучшением социально-бытового обеспечения работников науки и техники в 1921–1937 гг., – Центральной комиссии по улучшению быта ученых и Комиссии содействия ученым. Аналогов действующим учреждениям за границей не было, за исключением немецкой организации Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft. Работа советских комиссий широко пропагандировалась: в зарубежной периодической печати, через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и дипломатические учреждения на местах. Одновременно деятельность комиссий вызывала неоднозначные оценки в силу идеологической ориентации и политизации помощи, узости бенефициарного круга и неравномерности распределения привилегий, наконец, неустойчивости самих подходов к поддержке ученых – от обеспечения их экономических и бытовых условий до детальной регламентации научной работы и ее планирования. На широком круге неопубликованной делопроизводственной документации автором характеризуются эволюция «витринной» составляющей работы комиссий содействия ученым, веер поставленных перед ними задач – от популяризации достижений советской науки за рубежом до привлечения иностранных специалистов в СССР. Делается вывод о том, что сюжетное наполнение работы комиссий отвечало поставленным перед советской наукой задачам на различных этапах ее трансформации, менялось вместе с ними. В связи с этим исследование поставленной проблемы может способствовать более точному пониманию глубинных процессов развития советской науки в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: советское научное сообщество, зарубежные связи, Центральная комиссия по улучшению быта ученых, Комиссия содействия ученым, привилегии, неравенство, эмигранты, иностранные специалисты.

Постановка проблемы

История советских правительственных учреждений, занимавшихся содействием научно-исследовательской работе и улучшением социально-бытового обеспечения работников науки и техники в 1920–1930-е гг., традиционно привлекала внимание историков. Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (1921–1931) и сменившая ее Комиссия содействия ученым при СНК СССР (1931–1937) рассматривались в историографии как инструмент заботы советской власти о научной интеллигенции [Запоров, 1972; Зелов, 1977; Иванова, 1980; Хабибрахманова, 2008], управления советским научным сообществом [Посадсков, 2019a, 2019b], иерархизации и привилегированного обособления научной интеллигенции [Долгова, 2018, 2022; Осокина, 2008, с. 140–144]. Однако при всем внимании к теме авторами не стави-

лась задача характеристики одной из основных функций данных учреждений, а именно – презентации мер поддержки науки и заботы советской власти об ученых за рубежом. Аналогов действующим комиссиям за границей не было, за исключением немецкой организации *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft* (Чрезвычайной ассоциации немецкой науки)², однако последняя не была встроена в систему государственного управления и действовала на общественных началах. Работа советских учреждений широко пропагандировалась: в зарубежной периодической печати, через Всесоюзное общество культурной связи (далее – ВОКС) с заграницей и дипломатические учреждения на местах. Сюжетное наполнение их деятельности отвечало поставленным перед советской наукой задачам на различных этапах ее трансформации и менялось вместе с ними. В связи с этим исследование эволюции «витринной» составляющей работы комиссий обеспечения ученых может способствовать более точному пониманию глубинных процессов развития советской науки в 1920–1930-е гг.

«Не доедим, но поможем»: ЦЕКУБУ, АРА и Фонд помощи германским ученым

Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) была образована в 1921 г. в качестве временного органа для улучшения материального положения научных работников в годы экономических последствий Революции и Гражданской войны, но приобрела постоянный характер, оказавшись встроеной в систему органов государственного управления. Работа комиссии вызывала неоднозначные отзывы современников. Хотя в источниках личного происхождения ее помощь отмечалась с благодарностью (Тимашев, 1930), часто подчеркивалась явная недостаточность мер поддержки (Князев, 1991, с. 179, 184; Семенов-Тянь-Шанский, 1992, с. 411), а сама ЦЕКУБУ иронически именовалась «учреждением, принявшим на себя бремя любви к ученым и балеринам» (Лавренев, 1982, с. 386), в ее ведении по ограниченным квотам состояли также деятели культуры [Долгова, 2018].

Безусловно, самый важный для научного сообщества этап функционирования комиссии пришелся на начало 1920-х гг., когда в Москве, Петрограде и провинции ее региональные отделения фактически взяли на себя функцию экономической и продовольственной поддержки научных работников в условиях экономических последствий Гражданской войны и Революции. Именно в этот период возникла первая точка взаимодействия ЦЕКУБУ с иностранными учреждениями. Отделения ее местных секций на короткий период стали опорными пунктами для зарубежных филантропических организаций, действовавших в советской России в 1923–1924 гг. В их числе Американская ассоциация помощи (АРА, Отдел студенческой помощи), Американский еврейский объединенный распределительный комитет (JDC, Джойнт), Американская секция европейской студенческой помощи, Ватиканская католическая миссия, миссия Нансена, Шведское общество Красного Креста и др. Поступления эти не были регулярными, получались в виде благотворительных грузов (ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 12. Л. 225). Так как ЦЕКУБУ не была включена в список учреждений, пользующихся правами беспоплатного получения грузов из-за границы, поступающие благотворительные грузы переадресовывались на имя комиссии по заграничной помощи при ЦИК СССР (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 85. Л. 60; Д. 107). Однако само распределение одежды, топлива и продовольствия производилось по спискам ЦЕКУБУ и после согласования с нею (ГАРФ. Ф. Р-3385. Оп. 1. Д. 83. Л. 12, 18). Отдельные представители иностранных организаций по оказанию помощи советской России могли входить в состав местных комитетов ЦЕКУБУ (ГАРФ. Ф. Р-3385. Оп. 1. Д. 83. Л. 12) в 1923–1924 гг.

В условиях продовольственного и инфляционного кризиса тех лет совершенно фантастическим выглядит встретившаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) документация о попытке отправить в январе 1924 г. советскими учеными через ЦЕКУБУ тысячу продовольственных посылок в Германию для поддержки ученых и художников (по аналогии с помощью германским рабочим (ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 13а. Д. 661, 662, 116). В переписке заведующего отделом пропаганды российского отделения Межрабпрома Поля Томпсона и председателя Комиссии по заграничной помощи О. Д. Каменевой указывалось, что советские ученые избрали адресный метод рассылки и даже связывались по поводу списков нуждающихся с немецкими организациями; ЦЕКУБУ же предполагалось привлечь только как посредническую организацию (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 137. Л. 24). Однако формат частных посылок вызвал сомнения: «русские ученые отсюда не могут установить, кто в Германии наиболее нуждается»

(Там же. Л. 22). Кроме того, был важен и политический момент: коллективное распределение, в отличие от индивидуального, дало бы наилучшие результаты, позволив советской организации заручиться симпатией немецких ученых кругов: их «завоевание» («заинтересовать высокие круги интеллигенции нашей работой») было очень важно (Там же). Предложение заменить индивидуальные посылки коллективной помощью О. Д. Каменева обозначила и в письме наркомму А. С. Луначарскому: для большего эффекта она рекомендовала ЦЕКУБУ пересылать посылки в Германию напрямую, минуя рабочие организации (курсив мой. – Е. Д.). В результате долгой делопроизводственной переписки из тысячи были отправлены сто продовольственных посылок «выдающимся германским деятелям», так или иначе отличившимся своим отношением к русской науке, через Комиссию помощи германским ученым при правлении Дома ученых ЦЕКУБУ; частично помощь реализовывалась в денежной форме через смешанную комиссию при Обществе друзей новой России в Берлине (Там же. Л. 28). В 1923–1924 гг. действовал даже отдельный фонд помощи германским ученым: к июлю 1924 г. его капитал составлял 12 174 руб. (включая автоматическое отчисление от академического обеспечения, предпринятое в ноябре 1923 г.). Из указанной суммы по назначению было переведено 8 тыс. 71 руб. 49 коп., остаток же правление Дома ученых «ввиду значительно улучшившегося положения германских ученых» постановило использовать «для какой-либо иной цели», утвердив это решение на заседании ЦЕКУБУ 17 июля 1924 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 72. Д. 115. Л. 22).

Эти акты филантропической помощи со стороны советского государства попали в более поздние отчеты комиссии. В юбилейном сборнике «Пять лет работы ЦЕКУБУ» (1926) отмечалось: «Советские ученые на отчисления от академического пайка создали фонд помощи германским ученым. В ответ на оказанную помощь германские ученые прислали ЦЕКУБУ свыше ста благодарственных писем» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 94. Л. 19).

Культурная связь с заграницей: ЦЕКУБУ в середине 1920-х годов

В середине 1920-х гг. ЦЕКУБУ уже была известна за рубежом, тем более что для этого прилагались большие усилия. Уже упоминавшийся юбилейный сборник «Пять лет работы ЦЕКУБУ» распространялся через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 199. Л. 562). Был напечатан отдельный буклет на немецком языке (в начале XX в. – организационный язык науки) на хорошей бумаге в количестве двух тысяч экземпляров, распространявшийся среди деятелей науки и ученых учреждений Германии и других европейских стран. Об издании каталога сообщалось в наиболее распространенных зарубежных газетах (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 41. Л. 16). Как отмечалось в отчете, «работа Советской власти по улучшению быта ученых получила широкую известность, тем более что ничего подобного нигде за границей не имеется. Иностранные делегации, приезжающие в СССР и обычно интересующиеся научной работой, проводящейся в нем, а также положением ученых – всегда констатируют, что дело поддержки научных сил поставлено советской властью на большую высоту» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 94. Л. 19).

Возможности у иностранных делегатов избежать экскурсии по учреждениям ЦЕКУБУ практически не было. Ученые, приехавшие в СССР, в обязательном порядке посещали комиссию и удостоивались чтения открытой лекции в ее дворце на Пречистенке, 16 – известном Доме ученых (о нем см. [Зелов, 1972]). В отчетах ЦЕКУБУ отмечалось: «Дом ученых широко известен за границей: почти все европейские ученые, посетившие Москву, посетили и Дом ученых, многие из них сделали в нем доклад, в том числе всемирно известные путешественники Нансен и Свен-Геддин, профессора Фохт, Ноне, Ферстер и др.» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 94. Л. 17). Комиссия занималась и размещением приехавших в СССР иностранных исследователей. В условиях остроты жилищного кризиса в Москве и значительных хлопот и расходов, связанных с поиском помещения, этот вид помощи играл большое значение. Общежитие научных работников с 1922 г. предоставлялось для участников научных съездов и конференций, в том числе иностранцам – преимущественно из Германии, отдельные ученые приезжали из Англии, Голландии, Швеции, Норвегии, Америки, Индии, Китая (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 132. Л. 45). Конечно, знакомство с разветвленной сетью учреждений ЦЕКУБУ, ее заботой о многочисленных группах научных работников (включая действовавшие при ЦЕКУБУ дома престарелых ученых в Москве и Ленинграде, сеть санаториев, домов отдыха, столовых) поражали вообра-

жение иностранных исследователей, за короткий период своего пребывания в СССР не успевших столкнуться с административными неурядицами и делопроизводственной волокитой.

В благодарном ключе о ЦЕКУБУ писала даже памятливая эмигрантская пресса: «Тот, кто не жил в России в холодные и голодные зимы 1919–1920 г. и 1920–1921 гг., не знает, вероятно, что такое ЦЕКУБУ», – отмечал в 1930 г. социолог и правовед Н. С. Тимашев, хорошо помнивший то время в Петрограде (Тимашев, 1930). Отмечая, что «ученые старой формации тогда еще были нужны большевикам», автор писал: «Если бы она [комиссия] не была создана, то академическая среда вымерла бы еще в гораздо большей пропорции, нежели это фактически случилось» (Там же). Н. С. Тимашев был прав в оценках. На протяжении 1920-х гг. ЦЕКУБУ являлась центром распределения социально-бытовых и экономических благ, надежной инстанцией для апелляции по разрешению социально-бытовых и экономических вопросов (в том числе – распределения жилья). Проблема заключалась в том, что содействие работе ученых осуществлялось по иерархическому признаку в соответствии с их научной квалификацией – от 1-го до 5-го разряда, с 1926 г. – по трем категориям А, Б и В, а сам доступ к услугам и привилегиям был лимитирован [Долгова, 2018]. Узость бенефициарного круга и неравномерность распределения привилегий, значительные бюрократические трудности в доступе к ним вызывали нарекания в научном сообществе. В конце же 1920-х гг. они стали удобным поводом для критики всей системы ЦЕКУБУ, оказавшись помещены в драматические события «решительной перестройки» науки.

«Больших затрат на все это дело не потребуется»: реорганизация ЦЕКУБУ в конце 1920-х – начале 1930-х годов

Критику открыла публикация в газете «Вечерняя Москва» статьи профессора МГУ Е. А. Коровина под названием «Зачем существует ЦЕКУБУ» (Коровин, 1930). Работа комиссии критиковалась автором по причине присутствия в ее списках ученых высших категорий «анти-советских элементов», «кастовости» и «иерархичности» распределения социально-экономических благ и привилегий. По словам Е. А. Коровина, ЦЕКУБУ являлась не чем иным, как «заповедником для вымирающих зубров». Критика работы комиссии продолжилась и в других публикациях в «Вечерней Москве» («ЦЕКУБУ под общественный контроль», «На отлете (К вопросу о ЦЕКУБУ)» (выпуск от 17 января)), на страницах ведущего журнала «Научный работник» (Эстрин, 1930). Выявившееся при проверке наличие в списках «высших категорий» ЦЕКУБУ значительного количества имен «старых специалистов», беспартийных или откровенно не принимающих советскую власть едва не привело в конце 1920-х гг. к ликвидации комиссии [Долгова, 2022]. В разгар «Академического дела» для этого появились возможности, соответствующая риторика и аргументация [David-Fox, 2015, ch. 5].

Однако именно «витринный» статус, известность за рубежом стали охранными для ЦЕКУБУ. В докладной записке управляющего делами СНК СССР Е. П. Воронова председателю СНК СССР В. М. Молотову по вопросу о реорганизации ЦЕКУБУ отмечался вред ее ликвидации: «Своими “ведущими” кадрами в области этих наук мы еще почти не располагаем, а серьезная смена старикам вырастет лет через 10» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 220. Л. 99–100). В условиях кадрового вакуума отмечалась угроза оттока интеллектуальных сил за границу. В записке подчеркивалось, что вследствие недостаточного внимания к кадрам уже был потерян ряд молодых ведущих исследователей – «типа Капицы, Термена и др[угих]». Вслед за А. Е. Чичибабиным и В. Н. Ипатьевым (их имена упомянуты в тексте записки), талантливые молодые ученые, «за ненадобностью отпущенные за границу», развернули огромную научную работу, в том числе и секретного характера, многие также собирались эмигрировать (Там же). В этом отношении решительный поворот в отношениях власти и интеллигенции, символическим выражением которого стала бы ликвидация ЦЕКУБУ, способствовал бы радикализации настроений представителей научного сообщества. Важным фактором, согласно записке Е. П. Воронова, была и роль международного научного общения. Отмечая «глубокий интерес» иностранных ученых к СССР, управляющий делами СНК писал: «Опыт недавно проведенного у нас международного конгресса почвоведов³ (материальные затраты на проведение которого окупились поступившей валютой. – Е. Д.) говорит за то, что сотни иностранных ученых, побывавших в Союзе, смотрят на нас уже совсем другими глазами, защищают от клеветы <...> и проводят определенно полезную для Союза работу в своих публичных выступлениях и проч[ем]» (Там же). В этом отношении сохранение для ученых возможности «обращаться со

своими просьбами и предложениями в авторитетное место, где их выслушают и где им будут оказаны достаточное внимание, возможная поддержка и поощрение в проявлении ценной и нужной для нас инициативы», имело бы огромное значение для узловых вопросов организации научно-исследовательской работы. Е. П. Воронов предлагал не ликвидировать ЦЕКУБУ, а всего лишь реорганизовать ее работу, расширив функции от решения материально-бытовых вопросов ученых в сторону полномасштабного содействия научной работе целых учреждений. Прагматично отмечая, что «больших затрат на все это дело не потребуется», он обосновывал важность перестройки работы комиссии в интересах максимального использования знаний старых кадров ученых в деле социалистического строительства. В документе сохранилось и сравнение финансирования ЦЕКУБУ с немецкой комиссией: «Сумма порядка до 1 млн руб., которая должна быть в распоряжении этой ячейки на все и всякие виды содействия, является совершенно достаточной на первый год ее работы. Германская организация *Notgemeinschaft* располагает, конечно, большими средствами, но сейчас это для нас вовсе не нужно» (Там же).

Выплеснувшийся в публичное пространство конфликт был разрешен весной 1931 г. В выступлении на Первой Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы председатель СНК СССР В. М. Молотов подчеркнул необоснованность распространившихся слухов о ликвидации ЦЕКУБУ, однако поставил вопрос о ее реорганизации на качественно иных, соответствующих политическому моменту началах (Первая Всесоюзная конференция..., 1930, с. 486).

«Для ученых и бескорыстных исследователей»: комиссия в первой половине 1930-х годов

В 1931 г. ЦЕКУБУ была заменена Комиссией содействия ученым (КСУ) при СНК СССР (председатель – А. С. Енукидзе; ответственный секретарь – Е. П. Воронов) (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 20а. Д. 508. Л. 216). Реорганизованная комиссия действовала до 1937 г. по принципу ранжированной организации, резко сократившей и обособившей список привилегированных ученых и утвердившей дисциплинарный (приоритетный) подход к их обеспечению. Изменение функций комиссии прослеживается и в названии: вместо «улучшения» социально-бытовых условий она ставила задачу «содействия» их научной работе (социально-экономическое обеспечение отодвигалось на второй план). Пик работы КСУ пришелся на годы первых пятилеток – период сталинской индустриализации, соответственно, и в центре привилегий оказались ученые технических специальностей, зарекомендовавшие себя научными трудами и практическими достижениями, способствующими социалистическому строительству СССР. В ведении комиссии оказались вопросы планирования научной работы и механизации труда: ведение библиографии и расчетов, обеспечение техническими помощниками и устройствами, ускоряющими научный труд.

Именно в эти годы «витринная» составляющая работы комиссии приобрела новое функциональное наполнение. Ее изменение диктовалось поставленной в годы первых пятилеток задачей привлечения для работы в СССР большого количества иностранных ученых и специалистов, особенно технических специальностей [Осокина, 2008, с. 144] (данные о привлечении к научной работе в СССР иностранных ученых см. (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 423)). Как показал А. Л. Посадсков, помощь научно-исследовательским учреждениям и вузам страны в деле привлечения иностранных ученых и техников была четко согласована с политическим курсом и государственными установками (в отличие от ее относительной автономии в 1920-е гг. [Долгова, 2018]). В качестве доказательства исследователь приводил в пример синхронность установления в 1933 г. дипломатических отношений с СССР Североамериканских соединенных штатов и завязавшуюся в том же году переписку Комиссии содействия ученым с Полномочным представителем СССР в США об усилении связей между учеными двух стран и о приглашении американцев на работу в СССР [Посадсков, 2019, с. 436–437] (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 535). Обратный пример – взаимодействие с германскими учеными после прихода Гитлера к власти в 1933 г. В письме от 17 октября 1933 г. «товарищам Бахмутову, Донцу, Презенту» секретарь Комиссии содействия ученым Э. А. Асмус отмечал: «15.10 был в НКВД у заведующего Вторым западным отделом т. Штерна. Говорил с ним о взаимоотношениях наших научных сил с германскими. <...> Поскольку имеет место снижение научной мысли в Германии во всех областях науки, а в области общественных наук идет быстрая фашизация, можно подумать о более

быстром разрыве со всякого рода учеными и научными организациями в области общественных наук, оставив связи только в области точных наук» (Ф. Р-4737. Оп. 4. Д. 6. Л. 1). В противовес взаимодействию с «учеными-фашистами» КСУ был принят курс на поддержку уехавших из Германии специалистов: в документации (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 783) отложились прошения о зачислении в число ученых, обслуживаемых комиссией иностранных специалистов, физика Ганса Георга Бэрвальда (уволен в 1933 г. «из-за неарийского происхождения», с 1935 г. – профессор кафедры электромагнитных колебаний физико-математического факультета Томского университета и действительный член Сибирского физико-технического института), математика Стефана Бергмана (потерял работу по той же причине и эмигрировал в СССР, в 1934–1936 гг. – профессор математики Томского университета), физика-теоретика Ганса Густава Гельмана (не прошел хабилитацию из-за левых взглядов и наличия жены-еврейки, в СССР – руководитель теоретической группы лаборатории строения вещества в Физико-химическом институте Карпова, принял советское гражданство, репрессирован в 1938 г.). В этом отношении курс поддержки германских ученых-эмигрантов совпал с поставленной перед комиссией задачей привлечения в СССР иностранных специалистов. Возможность эмиграции в СССР нашла отражение даже в кинематографе: фильм «Саламандра» (1928) завершился отъездом измученного, затравленного профессора Цанге из Германии в Советский Союз.

Кинематограф, ориентированный на экспорт, стал одним из инструментов формирования доступного и позитивного визуального образа советской науки за рубежом. Здесь прослеживалось влияние традиций предшествующего периода. В картинах «павловского цикла» 1920–1930-х гг. («Механика головного мозга» (1926), «Физиология и патология высшей нервной деятельности» (1936), «Роза и Рафаэль» (1936), «Павлово» (1937)) [Космачевская, Громова, 2012] популяризировались положения условно-рефлекторной теории, созданной нобелевским лауреатом физиологом И. П. Павловым. Вопрос заключался в масштабности поставленной задачи: в 1930-е гг. вместе с учеными-гигантами комиссией популяризировались и достижения советской науки в целом. В 1934 г. КСУ обратилась к Главному управлению фотокинопромышленности при СНК СССР с предложением создать пропагандистский фильм «о достижениях научной мысли в СССР». Стал готовиться к изданию международный (на европейских языках) перечень научных трудов ученых СССР с характеристикой каждого достигнутого исследователями результата (подробнее: [Посадсков, 2019, с. 436–437] (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 423, 572)).

Образ воплощенной в СССР наукократической мечты привлекал перспективами и возможностями организации труда специалистов, особенно технического профиля. В этом отношении уникальное учреждение – Комиссия содействия ученым – как нельзя лучше подходила для презентации эффективности ее работы за рубежом. Был найден и подходящий повод: в январе 1932 г. СССР был приглашен к участию в работе II Международного конгресса защиты ученых и бескорыстных исследователей. Сохранившаяся в ГАРФ обширная делопроизводственная переписка между несколькими ведомствами (Народный комиссариат иностранных дел СССР, СНК СССР, Ученый комитет ЦИК СССР) и адресатами – в числе последних Е. П. Воронов, А. В. Луначарский, А. С. Енукидзе, А. Б. Халатов и др. – раскрывает подробности этой романтической истории. В январе 1932 г. через советского посла в Париже к СССР обратился с предложением некий Жан Пелисье, представившийся председателем организационного комитета II Международного конгресса защиты ученых и бескорыстных исследователей (его первый съезд состоялся в Париже 10–12 сентября 1931 г. при широком французском политическом представительстве, с участием шести стран) (Там же. Л. 26). Кроме приглашения на конгресс, проведение которого было запланировано на июль 1932 г. в Версале, Пелисье выступил с предложением организовать в СССР международный Национальный комитет по защите ученых. Е. П. Воронов, выполнявший в этот время функции секретаря КСУ, воодушевленно писал А. С. Луначарскому о перспективах: «Участие Союза в этом конгрессе (независимо от формы) является целесообразным делом. Оно позволит не только информировать международную научную общественность о наших установках и практической работе в этой области, но и пригласить ее на III конгресс в СССР, где она могла бы лично ознакомиться с состоянием этого дела у нас» (ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 422. Л. 12). Член коллегии Наркомпроса СССР философ И. К. Луппол, ознакомившись с материалами, отвечал Е. П. Воронову о целесообразности

участия в работе Конгресса советской делегации (в составе 5–9 человек): возможно было сделать 1–2 пленарных доклада и 2–3 в секциях. Он даже разработал подобие сценарного плана, предлагая докладчикам подготовить выступления на следующие темы: 1) наука и социализм – «принципиальный, теоретический, «философский» доклад; 2) роль науки в строительстве социализма в СССР – «политически заостренный и дающий конкретный материал доклад»; 3) подготовка научных работников в СССР – «показать всю противоположность этого дела в капиталистических странах и в СССР, не только политическую разницу, но и принципиальное отличие в системе»; 4) о планировании научно-исследовательской работы – «или это включить в 1 или 2 темы»; 5) постановка в СССР дела содействия ученым – «для нас чрезвычайно выигрышный доклад» (Там же. Л. 17–17 об.). И. К. Луппол резюмировал, что, «конечно, все наше участие должно проходить под знаком непримиримости буржуазной науки и науки в СССР». В записке указывались и имена предполагаемых докладчиков: с пометкой «ВКП(б)» приведены фамилии Н. И. Бухарина, Н. Я. Марра, Б. А. Келлера, В. П. Волгина, Е. Б. Пошуканиса, самого И. К. Луппола; с пометкой «беспартийные» («ибо они, конечно, должны быть представлены на конгрессе») – фамилии В. И. Вавилова, А. А. Богомольца, А. Н. Долгова, Л. С. Штерн, А. Н. Баха, председателя СНР Грузии Ахвледiani, А. Ф. Иоффе (со знаком вопроса), А. Д. Архангельского. Также предполагалось участие одного аспиранта. Особое внимание в приглашении Пелисье привлек пункт планируемого к утверждению на конгрессе устава международной организации, И. К. Луппол предложил даже заранее разработать его «советскую версию» с приемлемыми оговорками (Там же. Л. 18). Мнение И. К. Луппола поддержал и А. Б. Халатов, подтвердивший важность присутствия в программе конгресса выступлений советской делегации, в которых «со всей остротой была бы подчеркнута разница между содействием ученым у нас и защитой у них» (Там же. Л. 20). Точку в этой вдохновенной истории поставила телеграмма А. С. Луначарского, поступившая в ответ на запрос относительно получения более подробных сведений об организаторах конгресса. Текст ее был краток и безапелляционен: «Пелисье неизвестен, полагаю, дело несерьезное» (Там же. Л. 6). Ответ Наркомата иностранных дел, основанный на данных парижского полпредства, уточнял: «В научных кругах Парижа совершенно не знают ни Пелисье, ни его организации» (Там же. Л. 8, 11). Эти резолюции остановили подготовку к столь захватывающей воображение членов Комиссии содействия ученым поездке.

Впрочем, и самой КСУ оставалось функционировать недолго. После ареста по «Кремлевскому делу» ее председателя А. С. Енукидзе в 1935–1936 гг. комиссия не собиралась. 1 ноября 1937 г. она была ликвидирована согласно Постановлению СНК СССР № 2002 от 11.11.1937 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 344). Международная же ее работа сократилась к 1936 г. – с сокращением закупок иностранной научной литературы, выходом советских ученых из международных научных обществ (подробнее: *Посадков*, 2019b, с. 440–441) и печально известным делом академика Н. Н. Лузина. В хрупкости предвоенного мира усилилась тенденция обособления и автаркизации научных систем, в том числе – советской [Долгова, 2020, с. 341–361].

Заключение

Деятельность государственных советских комиссий поддержки ученых вызывала неоднозначные оценки современников: в силу идеологической ориентации и политизации помощи, узости бенефициарного круга и неравномерности распределения привилегий, наконец, неустойчивости самих подходов к поддержке научных работников – от обеспечения их экономических и бытовых условий до детальной регламентации научной работы и ее планирования. Центральная комиссия по улучшению быта ученых была учреждена в сложнейший для истории советского научного сообщества и страны в целом период. В 1920-е гг. она функционировала как специфичный государственный институт, инструментами филантропической помощи и беспрецедентной заботы об «ученом сословии» (включая его «старые кадры») обеспечивающий «мягкую связь» с границей – как капиталистическими странами, так и эмиграцией. В стенах ее учреждений «наукokratическая утопия» совпадала с «социалистической мечтой», неловко и громоздко реализуемой, но от того не менее искренней. С 1931 г. работа Комиссии содействия ученым приобрела союзную мощь и созвучие государственному курсу, а также утилитарные функции, важнейшими из которых стали привлечение в СССР иностранных специалистов и презентация достижений советской науки за рубежом. В ее финальной отливке были противо-

поставлены два способа заботы об ученых: необходимость «защищать» их в капстранах и «содействовать» созидательному научному труду в СССР.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 20-78-1009, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920-1970-е гг.)».

² Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft (Чрезвычайная ассоциация немецкой науки) была основана 30 октября 1920 г. по инициативе ведущих членов Прусской академии наук Фрица Хабера, Макса Планка и Эрнста фон Харнака. В число учреждений-членов ассоциации входили немецкие университеты, политехнические институты (Technische Hochschulen), пять немецких академий наук и Общество кайзера Вильгельма Гезельшафта. В 1929 г. Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft была переименована в Deutsche Gemeinschaft zur Erhaltung und Förderung der Forschung (Немецкая ассоциация поддержки и развития научных исследований), также известную как Немецкое общество по развитию науки (DFG) [Flachowsky, 2008].

³ Имеется в виду Международный конгресс по почвоведению (англ. *World Congress of Soil Science* (WCSS); Международный почвенный конгресс), проводившийся в Ленинграде в 1930 г.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 94; Ф. Р-3385. Оп. 1. Д. 83; Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 41; Д. 85; Д. 107; Д. 132; Д. 137; Д. 199; Д. 422; Д. 423; Д. 535; Д. 572; Д. 783; Д. 821; Оп. 4. Д. 6; Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 220; Д. 344; Ф. Р-5446. Оп. 20а. Д. 508; Оп. 72. Д. 115; Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 12; Ф. Р-5451. Оп. 13а. Д. 661, 662, 116.

Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое: историко-документальный альманах. М.: Светлен, 1991. Кн. 5. С. 148–243.

Коровин Е.А. Зачем существует ЦЕКУБУ? // Вечерняя Москва. 1930. 8 января. Рубрика: Письма в редакцию.

Лавренев Б.С. Небесный картуз [Электронный ресурс] // Лавренев Б.С. Собр. соч. Т. 1. М., 1982. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=249139&p=89> (дата обращения: 14.03.2022).

Первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, 6–11 апреля 1931 г.: стенографический отчет. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Фрагменты воспоминаний // Звенья: исторический альманах. М.: Atheum-Феникс, 1992. Вып. 2. С. 395–423.

Тимашев Н.С. Походь против ЦЕКУБУ // Возрождение. 1930. Т. 5, № 1694. 21 января. С. 4.

Эстрин Я.М. За коренную реорганизацию ЦЕКУБУ // Научный работник. 1930. № 3. С. 56–63.

Библиографический список

Долгова Е.А. Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 119–127.

Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е годы. М.: ИЦ РГГУ, 2020. 469 с.

Долгова Е.А. «ЦЕКУБУ играет до сих пор значительную роль в деле материально-бытового обслуживания научных работников. Вместе с тем...». Дискуссия о ЦЕКУБУ в 1929–1931 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 102–132.

Запоров И.П. Создание и деятельность Центральной комиссии по улучшению быта ученых. 1919–1925 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 24 с.

Зелов Н.С. Забота о деятелях науки в первые годы Советской власти (1917–1925) // Советские архивы. 1977. № 3. С. 36–39.

Зелов Н.С. Московский Дом ученых ЦЕКУБУ // Вопросы истории. 1972. № 10. С. 197–201.

Иванова Л.И. Формирование советской научной интеллигенции. 1917–1927 годы. М.: Наука, 1980. 392 с.

Космачевская Э.А., Громова Л.И. «Механика головного мозга» – первый фильм об условных рефлексах // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33, № 4. С. 132–141.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.

Посадсков А.Л. Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР как инструмент управления советским научным сообществом в 1931–1937 годах // *Научный диалог*. 2019а. № 9. С. 407–421.

Посадсков А.Л. Советская научная элита 1930-х годов под патронатом Комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР: быт, охрана здоровья, международные книжные связи (1934–1937) // *Научный диалог*. 2019b. № 11. С. 433–443.

Хабибрахманова О.А. Властные стратегии и тактики по улучшению качества жизни научной интеллигенции. Казань, 2008. 120 с.

David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, 2015. 336 p.

Flachowsky S. *Von der Notgemeinschaft zum Reichsforschungsrat. Wissenschaftspolitik im Kontext von Autarkie, Aufrüstung und Krieg*. Steiner, 2008. 545 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.01.2022

“ASSISTANCE IS HERE AND PROTECTION IS THERE”: SOVIET COMMISSIONS FOR SCIENTISTS AS A SHOWCASE IN THE 1920-1930s

E. A. Dolgova

Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq., 6, 125047, Moscow, Russia

medievalis@list.ru

ORCID: 0000-0002-3902-7142

ResearcherID: E-7791-2017

Scopus Author ID: 57195965998

The article describes the history of the unique Soviet government institutions aimed at improving the welfare of scientists in the 1920s–1930s: the Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists and the Commission for Assistance to Scientists. There were no analogues of these institutions abroad, except for the German organization “Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft”. Thus, the Soviet commissions occupied a unique niche; their work was widely covered in foreign periodicals, through the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries and local diplomatic institutions. On the other hand, the activities of the commissions caused ambiguous assessments due to the ideological and politicized nature, the narrowness of the beneficiary circle, an uneven distribution of privileges, and, finally, the instability of approaches to supporting scientists – from ensuring their economic and living conditions to detailed regulation of scientific work and its planning. Based on unpublished documents from the State Archives of the Russian Federation, the author characterizes the evolution of the “foreign” component of the commissions’ activities, their various tasks from popularizing the achievements of Soviet science abroad to attracting foreign specialists to the USSR during the years of industrialization. The author concludes that the work of the commissions corresponded to the tasks set for Soviet science at different stages of its transformation, changed along with them. Therefore, the study of this problem can contribute to a more accurate understanding of the deep processes of the development of Soviet science in the 1920s–1930s.

Key words: Soviet scientific community, foreign scientific relations, Commission for the Assistance To Scientists, privileges, inequality, showcase, emigrants, foreign specialists.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, the project № 20-78-1009 “Soviet science as an industry: personnel, infrastructure, organizational and managerial practices (1920s–1970s)”.

References

David-Fox, M. (2015), *Crossing borders: Modernity, Ideology, and culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, USA, 336 p.

Dolgova, E.A. (2018), “Power, TSEKUBU and creative Intelligentsia in the Socio-economic circumstances of the 1920s”, *Observatoriya kul'tury*, vol. 15, № 1, pp. 119–127.

Dolgova, E.A.(2020) *Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920-1930-e gody* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s and 1930s]. RGGU; Moscow, 469 p.

Dolgova, E.A. (2022), “«TSEKUBU still plays a significant role in the material and consumer services of scientists. At the same time...» Discussion about TSEKUBU in 1929–1931”, *Istoricheskiy arhiv*, № 1, pp. 102–132.

- Flachowsky, S. (2008), *Von der Notgemeinschaft zum Reichsforschungsrat. Wissenschaftspolitik im Kontext von Autarkie, Aufrüstung und Krieg* [From the emergency community to the Reich Research Council. Science policy in the context of self-sufficiency, armament, and war], Steiner, Stuttgart, Germany, 545 p.
- Habibrahmanova, O.A. (2008), *Vlastnye strategii i taktiki po uluchsheniyu kachestva zhizni nauchnoy intelligentsii* [Power strategies and tactics to improve the quality of life of the scientific intelligentsia], Art-kafe, Kazan', Russia, 120 p.
- Ivanova, L.I. (1980), *Formirovanie sovetskoy nauchnoy intelligentsii. 1917–1927 gody* [Formation of the Soviet scientific intelligentsia. 1917–1927], Nauka, Moscow, USSR, 392 p.
- Kosmachevskaya, E.A. & L.I. Gromova (2012), “«Mechanics of the brain» – the first film about conditioned reflexes”, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, vol. 33, № 4, pp. 132–141.
- Osokina, E.A. (2008), *Za fasadom «stalinskogo izobil'ya»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin's abundance”: distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization], ROSSPEN, Moscow, Russia, 351 p.
- Posadskov, A.L. (2019), “The Commission for Assistance to Scientists under the USSR Council of People's Commissars as a tool for managing the Soviet scientific community in 1931–1937”, *Nauchnyy dialog*, № 9, pp. 407–421.
- Posadskov, A.L. (2019), “The Soviet scientific elite of the 1930s under the patronage of the Commission for Assistance to Scientists at the USSR Council of People's Commissars: life, health protection, international book relations (1934–1937)”, *Nauchnyy dialog*, № 11, pp. 433–443.
- Zaporov, I.P. (1972), *Sozdanie i deyatelnost' Tsentral'noy komissii po uluchsheniyu byta uchenykh. 1919–1925 gody* [Creation and activity of the Central Commission for the Improvement of the life of Scientists. 1919–1925], Extended abstract of PhD dissertation, Moscow State University, Moscow, USSR, 24 p.
- Zelov, N.S. (1972), “Moscow House of Scientists TSEKUBU”, *Voprosy istorii*, № 10, pp. 197–201.
- Zelov, N.S. (1977), “Caring for scientists in the first years of Soviet power (1917–1925)”, *Sovetskie arhivy*, № 3, pp. 36–39.